

Исторический вестник. 2023. Т. XLIII

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.43.002

С.М. Исхаков

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: АНТРОПОЛОГИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (1957–2019 гг.)

История советской науки, в том числе опыт сотрудничества историков с зарубежными коллегами, с одной стороны, отражала международное положение СССР, с другой — проблемы самой советской исторической науки, которая несколько десятилетий находилась почти в полной изоляции от мировой науки, а также сильное стремление советских обществоведов к научной интеграции, к расширению международного сотрудничества, которое выражалось в разных формах, в том числе путем создания совместных ассоциаций, комитетов, комиссий. В ряде публикаций, носящих преимущественно формально-отчетный характер, дается общий обзор того, как в революционной проблематике начала XX в. происходило налаживание международных контактов советских, а затем российских историков, кем были участники этого процесса, какую роль при этом сыграли ученые, особенно из Академии наук СССР / Российской академии наук, какими были результаты их работы. При этом, однако, определенные факты, сюжеты, детали, подробности, необходимые для полноты того, что происходило, не отражены, чему посвящена данная статья¹.

¹ Статья дополняет прежние мои публикации на эту тему: *Исхаков С.М. Великая народная революция 1917 года в России: из опыта изучения // Вестник Ленинско-*

Во время постсталинской «оттепели» в целях координации работы в Академии наук СССР были созданы научные советы, в том числе по ряду проблем истории. Состоявшееся 24 октября 1957 г. обсуждение доклада директора Института истории АН СССР А.Л. Сидорова на юбилейном заседании Ученого совета института, а затем и дискуссия 18 ноября 1957 г. на открытии только что созданного Научного совета АН СССР по проблеме предпосылок революции 1917 г. свидетельствовали о наметившейся потребности существенно изменить подход к ее исследованию. Работа, которая началась как эмпирическое исследование экономических предпосылок этой революции, потребовала новых методов осмысления этого феномена. Ряд историков, участвовавших в этой работе, в основном ученики Сидорова, подвергли критике концепцию «Краткого курса истории ВКП(б)».

6 декабря 1957 г. на заседании Президиума АН СССР были заслушаны доклад академика И.И. Минца «Великая Октябрьская социалистическая революция и ее всемирно-историческое значение» и содоклад председателя Экспертной комиссии (в ее состав входили С.И. Волков, И.А. Гладков, Э.Б. Генкина, Г.Д. Обичкин, А.Л. Сидоров, С.Г. Струмилин и др.) академика М.Б. Митина, в котором, в частности, отмечалось, что доклад не содержит перспективного исследовательского плана; вместо него представлен список работ, которые готовились в Институте истории АН СССР и некоторых других учреждениях; к тому же не намечена перспектива совместной работы всех научных учреждений по данной тематике и пр. Для руководства и координации работ по данной проблеме предлагалось утвердить Научный совет, в который должны

го мемориала. Вып. 9. Материалы Всероссийской научной конференции «1917 год в зеркале истории», посвященной 90-летию Октябрьской революции 1917 года. Ульяновск, 2007. С. 27–41; *Он же*. Научный совет РАН по истории российских революций // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 146–159; *Он же*. Проблемы изучения военной интервенции и гражданской войны в России: дискуссии в Научном совете по истории Великой Октябрьской социалистической революции в условиях «перестройки» // Военная интервенция и гражданская война в России (1918–1920 годы). М., 2009. С. 228–238; *Он же*. Академический центр изучения революционного 1917 года и гражданской войны в постимперской России: некоторые итоги и перспективы // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 549–600; *Он же*. Международная комиссия по изучению революций в России // 1917 год в Евразии. Сборник статей и материалов. М., 2017. С. 5–17; *Он же*. Международная комиссия по изучению Великой Октябрьской социалистической революции // Исторический вестник. 2019. № 28. С. 72–91; *Он же*. С.В. Тютюкин и академический Совет по революционной России // Всегда оставался верен себе. Сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина. М., 2021. С. 46–55.

были войти Минц (как «руководитель проблемы»), А.Е. Иоффе (ученый секретарь), Д.И. Баевский, Э.П. Бурджалов, С.П. Валк, Л.С. Гапоненко, Г.Н. Голиков, А.А. Дризул, Ю.И. Жюгжда, З.И. Ибрагимов, С.Н. Покровский, И.М. Разгон, И.М. Саат, Н.И. Супруненко, А.Л. Фрайман, Г.В. Хачапуридзе, Д.А. Чугаев и др. Президиум все же одобрил проект, поручив в двухнедельный срок отредактировать его с учетом высказанных замечаний. Отделению исторических наук было поручено представить на утверждение Президиума АН СССР новый состав Научного совета по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции и ее международное значение» и план подготовки к 50-летию Октябрьской революции.

28 февраля 1958 г. Президиум АН СССР утвердил состав Совета, который получил несколько иное, чем предлагалось, название: «История Великой Октябрьской социалистической революции» при Отделении исторических наук АН СССР, из 29 человек, в том числе Минц (председатель), П.Н. Соболев (заместитель председателя), Иоффе (ученый секретарь), члены: Баевский, Гапоненко, Голиков, Ибрагимов, Разгон, Саат, Супруненко, Чугаев и др. На Совет возлагалось руководство научно-исследовательской работой в этой области, согласование планов научных учреждений, устранение дублирования, определение первоочередных проблем и т.п. В апреле 1958 г. состоялась первая сессия данного Совета, в ней приняли участие более 300 представителей научных учреждений.

8 сентября 1961 г. академический статус Совета был повышен до Совета при Отделении исторических наук по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» (председатель Минц), а Научный совет «Общие закономерности и особенности развития России в эпоху империализма» (председатель Сидоров) был реорганизован в его секцию.

Сессии, конференции и симпозиумы, проводимые Советом, стали трибуной для дискуссий, подведения итогов исследовательской работы, определения ближайших задач, определенной формой планирования и координации деятельности как научных институтов и кафедр, так и отдельных ученых. Так, инициатива Совета о созыве научной сессии, посвященной 50-летию Ленского расстрела, выхода первого номера газеты «Правда» и революционному подъему в России, заинтересовала многих историков. Сессия, которая началась 17 апреля 1962 г. и продолжалась шесть дней в Харькове, приобрела всесоюзный масштаб, на ней присутствовали много представителей из разных республик, краев и областей страны. Приведем небольшие фрагменты из неопубликованной

стенограммы этой сессии, которые передают настроения и надежды историков на кардинальные перемены в обществоведении.

«М.Я. Гефтер (Москва): Товарищи, у нас установилась хорошая традиция: один раз в полгода мы встречаемся на сессии. Хотя ни одна конференция не заменит исследовательской работы, ни одна дискуссия не заменит печатный труд, недооценивать эффективность научных сессий историков нельзя. <...> Мы сейчас переживаем хороший период в нашей исследовательской работе, период преодоления культа личности Сталина, и мы можем здесь действительно покончить с такими пережитками этого культа <...>».

П.В. Волобуев (Москва): Товарищи, как мне представляется, наша основная задача заключается в том, чтобы подвести итоги проделанной работы по изучению истории и на основании творческого обмена вести разработку и исследовательскую работу в дальнейшем. <...> Мы преодолеваем, мы стремимся охватить исторический процесс в его единстве и многообразии, во взаимосвязи и взаимодействии. Это является нашим достижением, и мы должны в этом направлении двигаться дальше.

А.Г. Зима (Фрунзе): <...> Правильно здесь отмечали, что настоящая сессия закладывает фундамент нового подхода, нового разворота исторической науки, и в частности в изучении вопросов, которые мы с вами здесь рассматриваем, которым посвящена настоящая сессия. <...>

Э.Э. Крузе (Ленинград): <...> Мне кажется, что задача нашей сессии, посвященной 50-летию юбилею революционного движения в России, заключается в следующем: мы должны подвести итоги всей нашей исследовательской работе, что и было сделано в той или другой мере в докладах. Кроме того, мне кажется, что мы должны здесь рассмотреть и обсудить ряд спорных вопросов, и хорошо на эту тему поспорить с тем, чтобы когда мы поедем на места и будем работать над этими спорными темами, мы бы уже знали, как нам вести данные исследования. <...> По-моему, нужны монографические исследования о революционном движении России в целом. Сейчас такие исследования написать можно, и это должно явиться результатом работы нашего совещания.

А.И. Воронова (Минск): <...> Большой вред изучению историографии и источниковедения причинил культ личности Сталина. Напомню вам факты, которые сейчас кажутся анекдотом. В 1950 г. я опубликовала статью о революции 1905–1907 гг. в Белоруссии в сборнике Минского педагогического института. Издательство потребовало от меня перечислить в статье все 13 упоминаний Сталиным города Гомеля. Многие упоминания не имели отношения к 1905 г., но я должна была о них упоми-

нать, и моя статья превратилась в набор цитат из произведений Сталина. Революция 1905–1907 гг. из статьи исчезла и растворилась в цитатах. <...>

Ю.И. Кирьянов (Москва): Ознакомление с исследовательской работой в области изучения истории рабочего класса и движения в период нового революционного подъема приводит к заключению о том, что в значительной мере разработка этой тематики тормозится рядом моментов, а именно: разобщенностью исследовательских кадров. У нас нет общего плана, который координировал бы работу институтов. Значительная часть исследовательских кадров сосредоточена в университетах, педагогических институтах, она работает самостоятельно, тематика утверждается там. <...> Пару слов по поводу статистики: у нас существует значительная путаница. Даже некоторые товарищи, которые делают шаг вперед по сравнению с официальными статистиками, как им кажется, они идут в сторону, но не вперед. <...>

Е.Б. Бекмаханов (Алма-Ата): Товарищи, несколько слов о значении нашей научной сессии. Я должен прямо сказать, что данная научная сессия особенно для нас, научных работников национальных республик, имеет громадное значение. <...> Значение нашей сессии состоит в том, что она показала большое влияние Ленского расстрела на трудящихся национальных окраин. Между прочим, и к сожалению, с мест никто не выступал, как этот расстрел оказал влияние на народы национальных окраин. <...> Мне очень понравилась постановка вопроса о национальном составе рабочего класса. Мы только в последние годы начали рассматривать этот вопрос. <...>

Я хочу свое выступление закончить одним организационным замечанием. Настало время очередную научную сессию проводить в Ташкенте или Алма-Ате с постановкой проблемы — “Рабоче-крестьянское национально-освободительное движение”. У нас возникли интересные проблемы. <...>

И.Л. Болясный (Киев): <...> Я считаю, что мы допускаем большую ошибку, когда отказываемся от исследований рабочего движения в годы революционного подъема в Польше, Финляндии и в других районах, потому что сейчас это самостоятельные государства. Чтобы иметь ясное представление, что собой представляла Россия, нужно исследовать события в Польше, Финляндии»².

² Стенограмма Всесоюзной научной конференции, посвященной 50-летию Ленского расстрела, выхода первого номера газеты «Правда» и новому революционному подъему в России от 17 апреля 1962 г. Харьков, 1962. Рукопись подготовлена в Харьковском государственном университете. Личный архив. Машинопись. Л. 2, 9–11, 17, 27, 32, 36–37, 45–46, 52–54, 56, 82, 96.

19 апреля 1962 г. Президиум АН СССР утвердил Научный совет при АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» в составе: Минц (председатель), Соболев (заместитель), Г.Е. Рейхберг (заместитель), С.М. Кляцкин (ученый секретарь), А.В. Игнатъев (заместитель ученого секретаря), члены бюро: Гапоненко, Голиков, Иоффе, Сидоров и др.

Функции Совета со временем расширились и состояли в следующем: подведение итогов изучения истории данной революции как в СССР, так и за рубежом; координация и планирование исследований; ориентация ученых на создание фундаментальных «обобщающих» трудов. Скоро стало ясно, что решение этих задач невозможно без создания на местах опорных организаций, и были учреждены региональные секции Совета. В его составе работали 20 секций, в том числе Азербайджанская (А.С. Сумбатзаде), Армянская (Ц.П. Агаян), Белорусская (Н.В. Каменская), Грузинская (Н.И. Стура), Казахская (С.Н. Покровский), Латвийская (В.А. Штейнберг), Литовская (Б.Ю. Вайткявичюс), Среднеазиатская (Х.Ш. Иноят), Украинская (Н.И. Супруненко), Эстонская (Х. Арумэ).

Важнейшей задачей Совета считалось создание в сравнительно сжатые сроки (пять-шесть лет) крупных коллективных трудов по истории революции в Белоруссии, на Дальнем Востоке и Дону, в Закавказье, Казахстане, Молдавии, Поволжье, Прибалтике, на Северном Кавказе, в Сибири и Средней Азии, на Украине, Урале и т.д. Для этого создавались мобильные научные коллективы, объединявшие историков из различных институтов, городов и республик, а также ученых из социалистических стран.

Состоявшееся в январе 1962 г. в Варшаве совещание главных ученых секретарей академий наук социалистических стран по вопросу о координации исследований наметило для совместной разработки силами ученых этих стран ряд проблем, в том числе по истории. Была создана Проблемная комиссия многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран «История Великой Октябрьской социалистической революции». В период между заседаниями Комиссии Совет выполнял всю организационную работу по выполнению плана ее деятельности. Председатель Совета являлся одновременно представителем АН СССР в Комиссии и ее председателем. Основными направлениями деятельности Комиссии являлись: изучение международного значения Октябрьской революции и истории других социалистических революций, борьба с антикоммунистическими трактовками истории этих

революций, с критикой теории и практики социализма. Таким образом, перед Комиссией были поставлены как политические и идеологические, так и собственно научные задачи.

В Москве в апреле 1963 г. состоялось первое информационное совещание историков социалистических стран, участвовавших в этом проекте. В нем приняли участие представители 11 стран — Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии и Югославии. На совещании выступил Минц, который возглавил данную Комиссию (ее секретарем до декабря 1970 г. была Е.В. Иллерицкая). На этом заседании были также заслушаны сообщения о деятельности секций Совета и научных учреждений СССР, занимающихся изучением рассматриваемой проблемы. Координационные совещания этой Комиссии проводились в разные годы в Берлине, Будапеште, Бухаресте, Варшаве, Ленинграде, Москве, Софии, Улан-Баторе.

По инициативе Комиссии было проведено большое количество конференций, симпозиумов и других мероприятий. Так, в марте 1967 г. в Москве состоялась научная конференция «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». Всего из стран, помимо СССР, было направлено на конференцию около 80 участников. Кроме ученых из стран социализма, в ней участвовали историки-марксисты еще из 27 стран: Австрии, Англии, Аргентины, Бельгии, Бразилии, Венесуэлы, Индии, Ирака, Ирана, Испании, Италии, Иордании, Колумбии, Ливана, Мексики, Панамы, Португалии, Сирии, США, Уругвая, ФРГ, Финляндии, Франции, Чили, Цейлона, Южной Африки и Японии. Всего на конференции присутствовало 500 ученых из 37 стран мира. Присутствие историков из таких стран, как Англия, США, ФРГ, Франция, где истории России и ее революциям уделяли большое внимание, было результатом работы членов Комиссии, перед которыми была поставлена такая задача.

На 3-м координационном совещании, которое состоялось в сентябре 1969 г. в Ленинграде, решили начать выпуск «Информационного бюллетеня» Комиссии, чтобы сообщать научной общественности о проделанной организационной и исследовательской работе, публиковать обзоры литературы, выходящей в социалистических странах, отчеты о научных мероприятиях, рецензии, статьи. Была создана международная редколлегия этого бюллетеня. С 1971 г. он издавался в Институте истории СССР АН СССР, где и находилась редакция этого издания. В нее от советской стороны входили: А.Я. Манусевич, Минц, А.П. Ненароков. С 4-го номера у бюллетеня появился секретарь редакции — Т.Ф. Кузьмина.

В состав бюро Совета (постановление Президиума АН СССР от 13 апреля 1971 г.) входили 19 человек, в том числе председатель Минц, два его заместителя — Соболев и Г.А. Трукан, ученый секретарь Иллерицкая³ (вместо Ненарокова, который исполнял эти обязанности с 9 августа 1967 г.), члены — Гапоненко, Е.Н. Городецкий, Игнатъев и др.; членов Совета насчитывалось 105. Состав советской части Комиссии, по решению Президиума АН СССР от 25 сентября 1972 г., являлся таким: председатель Минц, заместители председателя — Ю.И. Кораблев и Трукан, ученый секретарь Ненароков.

Сотрудники Совета провели в 1972 г. анкетирование среди специалистов в области истории Октябрьской революции и Гражданской войны с целью выявления круга проблем, нуждающихся в углубленной разработке и в обсуждении на сессиях и конференциях, а также определения комплекса источников, которые должны быть опубликованы в первую очередь. Совет получил 170 заполненных анкет: 70 анкет были заполнены историками Москвы и Ленинграда, остальные 100 — учеными, работавшими в 33 городах СССР, в том числе 9 столицах союзных республик (Алма-Ате, Ашхабаде, Баку, Ереване, Кишиневе, Минске, Таллине, Ташкенте, Тбилиси), 9 столицах автономных республик и центрах автономных областей (Казани, Карачаевске, Коканде, Махачкале, Нальчике, Орджоникидзе, Петрозаводске, Цхинвали и Чебоксарах), а также в Андигане, Донецке, Волгограде, Калининe, Краснодаре, Куйбышеве, Кулябе, Пскове, Рязани, Саратове, Ставрополе, Ульяновске и др. На анкету откликнулись историки, имевшие большой опыт научно-исследовательской работы и широкий научный кругозор.

В этих анкетах историки, работавшие в разных регионах СССР, в самых различных учреждениях и занимавшиеся очень неоднородной проблематикой, говоря о темах, нуждавшихся в первоочередной разработке, называли примерно один и тот же круг вопросов: 46 человек (27%) указали на недостаточную разработанность истории буржуазных и мелкобуржуазных партий и организаций в период Октябрьской революции и Гражданской войны, истории Белого движения и эмигра-

³ Иллерицкая, вспоминая много лет спустя один из сотрудников Совета Г.З. Иоффе, являлась «мастером разборов в вопросах “о жизни” и хотя мало интересовалась историей как таковой, была “особо приближена” к академику... И со временем академик произвел ее в ученые секретари своего Научного совета: так было уместней привлекать ее в творческие командировки, на научные конференции и т.п.» (Иоффе Г. Червонный «казак» Минц — Главный академик истории 1917-го (Воспоминания редактора). URL: <https://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer8-9-gioffe/> (дата обращения: 08.04.2022)).

ции; 39 опрошенных (23%) указывали на необходимость углубленного изучения истории национальных движений и национального вопроса в период революции и Гражданской войны, а также особенностей революции в многонациональных районах страны; 30 опрошенных (17,6%) указали на необходимость продолжения всестороннего изучения истории этой войны; 17 человек (10%) подчеркнули важность исследований по истории аграрного вопроса в ходе революции и войны; 17 опрошенных (10%) высказались за углубленную разработку историографии революции и войны; в 10 анкетах говорилось о важности исследований по источниковедению этого периода. Новая группа вопросов, которые ставили историки в анкетах, касалась идейной борьбы накануне и в период революции, изучения психологии масс в годы революции и войны. Тамбовский историк А.Г. Протасов, вспоминая о работе Научного совета в те годы, писал: «Не было другого такого тесного, неформального сообщества, каким были историки Октября». Для периферийных историков, разбросанных по отраслевым институтам, Совет стал важнейшим условием творческого роста, давал ощущение причастности к «большой» науке⁴.

К 1973 г. в среде советских историков стало, по наблюдениям Г.З. Иоффе, осознаваться, что научная разработка многогранной и сложной проблемы Октября 1917 г. и вызванного им революционного движения в разных странах мира оказывается всесторонней лишь при условии ее комплексного изучения учеными ряда стран. Вот почему советские исследователи, изучающие историю революций в России, проявляли большой и все растущий интерес к трудам своих коллег из других социалистических стран⁵, а также, добавим, из капиталистических стран, особенно те, которые, как и сам Иоффе, имели доступ к западной литературе, имевшейся в спецхранах советских библиотек и архивов.

В 1973 г. в Майнце (ФРГ) состоялась первая конференция историков ФРГ и СССР (среди его представителей был заведующий сектором истории ЦК КПСС С.С. Хромов) под названием «Германия и Россия в период капитализма». Состоявшиеся в ее ходе встречи и беседы произвели, в частности, на одного из ведущих в ФРГ специалистов по истории

⁴ Протасов А.Г. Друг не умирает // Миллер В.И. Осторожно: история! М., 1997. С. 191.

⁵ Иоффе Г. Центральные исторические журналы СССР о трудах историков социалистических стран (1973 год) // История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран. 1974. № 6. С. 82.

СССР советского периода Д. Гайера такое впечатление, что он загорелся мыслью установить прямые личные контакты с учеными из Института истории СССР АН СССР в Москве и его филиала в Ленинграде. В 1974 г. он совершил поездку в СССР, посетив эти научные учреждения⁶.

В 1974 г. подверглась упразднению секция Совета, занимавшаяся изучением предпосылок Октябрьской революции. Поводом послужило то, что в ряде публикаций⁷, по мнению академического и партийного руководства, были допущены «ошибки и путаница в вопросах методологического характера». Хотя Совет не редактировал эти работы и не рекомендовал их к печати и ответственность за их подготовку лежала на сидоровской секции Совета, оправдываясь в отчете перед Президиумом АН СССР Минц, были приняты «специальные меры» для усиления контроля за деятельностью данной секции и ее печатной продукции. Эти меры административного характера коснулись наиболее заметных участников осужденного «нового направления».

Отстранение в марте 1974 г. от должности директора Института истории СССР АН СССР члена-корреспондента АН СССР П.В. Волобуева явилось отражением явления более широкого свойства. Вспоминая о тех годах, он писал в ноябре 1993 г.: «В советской исторической науке интерес к проблеме отсталости и ее взаимосвязи с революцией возник в конце 1950-х годов и связан в основном с деятельностью группы историков “нового направления” (К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин, В.В. Адамов, Л.М. Иванов, А.М. Анфимов, А.Я. Аврех, П.В. Волобуев). Конкретно-исторические исследования российского капитализма в промышленности, аграрно-крестьянского вопроса, роли монополий и банков показали, что действительная картина экономики России далека от официальных догм о материальной зрелости страны к социализму.

⁶ Филитов А.М. Научные связи историков в годы «холодной войны»: взгляд с «другой стороны» // Отечественная история. 2000. № 4. С. 130, 136, 138.

⁷ См.: Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970; Свержение самодержавия. М., 1970. На этих сборниках, представляющих собой материалы состоявшихся в 1967 г. всесоюзных конференций, приуроченных к 50-летию Февральской и Октябрьской революций, имеется гриф Научного совета по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция»; Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. На этом сборнике, также состоящем из материалов всесоюзной конференции (1969 г.), имеется тот же самый гриф, но его статьи, как отмечалось позже в отчете руководства Совета, им не обсуждались и не рекомендовались к печати. Все конференции были организованы сидоровской секцией. Руководство Совета и в дальнейшем пыталось объяснить, что эта «ошибка» в работе была допущена из-за «своеволия» А.А. Сидорова, умершего в 1966 г.

Была доказана также многоукладность экономики, как проявление ее отсталости и неравномерности развития. Но попытки этой группы историков разобраться в сложных и конфликтных вопросах запоздалого, догоняющего развития России, в механизме взаимодействия различных укладов, в особенностях аграрного строя натолкнулись на сопротивление консервативной части историков (В.И. Бовыкин, В.Я. Лаверычев, Г.В. Шарапов и др.), получивших поддержку со стороны идеологических стражей в аппарате ЦК КПСС»⁸, к которым относился и Хромов.

Поднявшиеся на этой охранительной волне историки стремились, вспоминала сотрудница этого института Г.Д. Алексеева, сделать карьеру путем устройства на руководящие места в научном аппарате, а не путем больших творческих достижений. В научные коллективы вносились «деловые» отношения с элементами холуйства перед сильными мира сего и неуважения по отношению к тем специалистам, которые по уровню были намного выше их⁹. Эти консервативные силы устроили настоящий административный разгром, блокировали научный поиск, положили конец творческим дискуссиям, реставрировали старые догматические стереотипы и «единственно верные» постулаты.

Публикации противников «нового направления», писал австралийский исследователь Р. Марквик, были отмечены печатью псевдопатриотического приукрашивания предреволюционного самодержавного государства. Стремление представителей «нового направления» дать более объективное освещение причин революций 1905 и 1917 гг. означало «отказ от того шовинизма, которым было окрашено историческое сознание со времен Сталина». Борьба «с имперским великодержавием сталинских времен была существенным стимулом появления исторического ревизионизма после XX съезда КПСС. Капитуляция перед этим шовинизмом, напротив, означала бы благостное согласие с обновленным русским национализмом брежневских времен»¹⁰.

В январе 1975 г. в Москве состоялось совещание вице-президентов академий наук соцстран по общественным наукам, которое рекомендовало расширить проблематику Комиссии, включив в ее задачи изучение всех революций. В связи с этим было изменено и название Комиссии,

⁸ Волобуев П.В. Революция и отсталость: типологические размышления по поводу русского переворота 1917 года // 1917 год в Евразии... С. 588.

⁹ Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е годы XX века). М., 2003. С. 59.

¹⁰ Марквик Р. П.В. Волобуев и историки «нового направления» // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 503.

Группа советских историков. 80-летие академика АН
 Украинской ССР Н.И. Супруненко. На переднем плане слева направо:
 И.И. Минц, Н.И. Супруненко, Е.В. Иллерицкая, О.И. Шусь. Киев, февраль 1980 г.

которая стала называться Проблемной комиссией «История Великого Октября и последующих социалистических революций». Это произошло в ходе 8-го заседания Комиссии (Прага, 30–31 октября 1975 г.), в котором от советской стороны участвовали Агаян, Кузьмина, Манусевич, Минц, Стура.

В состав советской части Комиссии по решению Президиума АН СССР от 11 июля 1977 г. входили: Минц (председатель), Кораблев (заместитель), В.И. Миллер (ученый секретарь), члены — Агаян (АН Армянской ССР), Гапоненко, Дризул (АН Латвийской ССР), Иллерицкая, Инояттов (АН Узбекской ССР), В.А. Маамяги (АН Эстонской ССР), Стура (АН Грузинской ССР), Сумбатзаде (АН Азербайджанской ССР) и др.

«Работа Научного совета, — писал в отчете о работе за 1977 г. Минц, — явно переросла его организационные рамки...¹¹ С каждым годом работа все увеличивается... Все это требует создания института, который бы взял на себя разрешение этих задач и координацию исследований в области изучения истории Великого Октября и после-

¹¹ Особый статус данного Совета подчеркивался и тем, что его сотрудники при защите своих диссертаций указывали, что работа выполнена в Научном совете, а Институт истории СССР не упоминался.

дующих социалистических революций... Вопрос о создании Института поставлен мною в ЦК КПСС». Письмо Минца генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу об Институте истории Октябрьской революции, подобно Институту истории Великой революции во Франции, не получило поддержки¹². Такая реакция партийной инстанции означала, в сущности, недоверие к тому, что мог бы сделать новый институт под руководством Минца и его окружения.

Тем временем он и сотрудники и члены Совета, а также члены Комиссии продолжали интенсивно участвовать в разнообразных зарубежных научных мероприятиях. Так, во время Международного симпозиума «Великий Октябрь и опыт создания государств диктатуры пролетариата» в Будапеште 3–4 октября 1978 г. состоялось 11-е заседание Комиссии, в котором от советской части участвовали Кораблев, Миллер, Поляков и др. 17 октября 1979 г. в Варшаве состоялось рабочее совещание представителей Комиссии (от советской стороны — Дризул, Кузьмина, Минц, Стуруа и др.). 15 июня 1981 г. в Улан-Баторе состоялось заседание Комиссии (от советской стороны — Минц, Кузьмина и др.) и представителей советско-монгольской двусторонней комиссии по сотрудничеству АН СССР и АН МНР в области общественных наук. В апреле 1982 г. в д. Смоленице, под Братиславой, состоялось рабочее заседание группы членов Комиссии (Иллерицкая, Манусевич, Минц, Поляков). 14-е заседание Комиссии состоялось в Варшаве 31 мая — 1 июня 1983 г. (от советской стороны — Кораблев, Манусевич, Миллер).

Продолжались попытки членов Комиссии и Совета установить сотрудничество с Международным комитетом исторических наук (МКИН), главной международной организацией историков. Конгрессы МКИН, проходящие раз в 5 лет, на протяжении почти века привлекали внимание ученых со всего мира, поскольку показывали новые направления исследований и представляли собой возможность для настоящих научных дискуссий, в которых участвовали и отдельные ученые, и представители различных научных школ. Каждый конгресс отражал в той или иной мере состояние исторической науки в различных странах, расхождения и противоречия между историками, в том числе по революционной тематике. Чтобы войти в структуру МКИН, в Москве началась подготовка новой международной организации. 13 июля 1984 г.

¹² К истории русских революций: события, мнения, оценки. Памяти Исаака Израилевича Минца. М., 2007. С. 97, 101, 243.

последовало распоряжение Президиума АН СССР, на основании которого было собрано ее оргбюро¹³.

С 3 по 10 октября 1984 г. в Москве и Ленинграде (5–9 октября) работало оргбюро Международной комиссии по истории Октябрьской революции. В его заседаниях участвовали: с советской стороны — Хромов, Р.Ш. Ганелин, Городецкий, Г.З. Иоффе, М.П. Ирошников, Б.И. Каптелов, Кораблев, Н.М. Меньшова, И.В. Сабенникова, Г.Л. Соболев, И.С. Чичуров, А.О. Чубарьян, В.А. Шишкин; из зарубежных стран — П. Дьюкс (Великобритания), Д. Гайер (ФРГ), Ф. Мучи (Венгрия), А. Рабинович (США), В. Руге (ГДР), Х. Хазельштайнер (Австрия), Х. Христов (Болгария). Председательство на заседаниях поочередно осуществляли все члены оргбюро. Его председатель Минц не смог принять участие в заседаниях и направил в адрес оргбюро приветствие, в котором выразил уверенность, что встреча исследователей истории Октябрьской революции из стран Европы и Америки при всем различии их политических и научных позиций будет способствовать взаимопониманию и внесет свою лепту в дело сохранения мира на планете. От имени Национального комитета историков СССР выступил Чубарьян. 8 октября состоялось заключительное заседание оргбюро, на котором оно было преобразовано в бюро Международной комиссии по истории Октябрьской революции. Были избраны президент комиссии — Минц, генеральный секретарь — Хромов и два вице-президента: Мучи и Рабинович¹⁴.

Причем Мучи (Институт истории АН Венгрии), Руге (Центральный институт истории АН ГДР), Христов (Институт истории Болгарской АН) являлись представителями своих стран в Проблемной комиссии «История Великого Октября и последующих социалистических революций». Хромов в 1979–1988 гг. был директором Института истории СССР АН СССР. На этом посту его поддерживал заведующий Международным отделом ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев¹⁵. Новую международную комиссию разрешили в этой инстанции создавать в своих собственных интересах, а именно: признавая очевидные достижения западной исторической науки, использовать их в интересах идеологического противоборства и держа под своим контролем сотрудничество советских историков с коллегами из капиталистических стран.

¹³ Отчет о работе Института истории СССР за 1984 год. М., 1985. С. 80.

¹⁴ Сабенникова И.В. Заседание оргбюро Международной комиссии по истории Октябрьской революции // История СССР. 1985. № 3. С. 228, 231.

¹⁵ Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М., 2008. С. 587.

Вспоминая об этом собрании оргбюро в Ленинграде, Дьюкс отмечал, что оно прошло под председательством Хромова. Предыдущие обращения советских историков о сотрудничестве с МКИН были отклонены по той причине, что данная революция еще не стала, по выражению Дьюкса, «классической». Последнее обращение увенчалось успехом¹⁶ благодаря, надо полагать, поддержке Гайера, Дьюкса и Рабиновича.

Первое заседание Международной комиссии по истории Октябрьской революции¹⁷ состоялось во время XVI конгресса МКИН (Штутгарт, 25 августа — 1 сентября 1985 г.). Президентом Комиссии, которая вошла в состав МКИН в качестве его внутренней организации, на этом заседании в Штутгарте (29–30 августа) был избран Минц, генеральным секретарем — Хромов. Последний выступил с докладом о состоянии историографии Октябрьской революции в России и в различных странах¹⁸. Из его доклада следовало, что какого-либо развития в советской историографии не было, а происходило движение по проторенной многократно тематике, несмотря на начавшуюся в СССР перестройку. В отчете о поездке на этот конгресс он повторил этот доклад, подчеркнув при этом, что якобы по инициативе советских ученых Бюро МКИН приняло решение о создании Международной комиссии по истории Октябрьской революции, что на ее организационном собрании, которое состоялось в октябре 1984 г. в Ленинграде, президентом комиссии был избран Минц, а генеральным секретарем — он¹⁹. На самом деле официальное создание комиссии и избрание ее состава произошло не в Ленинграде, а на заседании Комиссии на конгрессе.

¹⁶ *Dukes P. Fifty years of Russian history // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы Международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. М., 2011. С. 617.*

¹⁷ Название этой комиссии дается в издании, подготовленном в Национальном комитете историков России, такое — «Международная комиссия по истории Октябрьской революции в России» (Российские историки на международных конгрессах исторических наук (1900–2000 гг.). Исторический обзор. М., 2005. С. 117), что неверно.

¹⁸ *Chromov S.S. Historiography on the Great Socialist October Revolution // Actes du XVI Congrès des Sciences Historiques, Rapports. II. Stuttgart, 1985. P. 843–847.* Содержание этого доклада в основном совпадает с текстом изданной в Москве в преддверии конгресса брошюры «Современная советская историография Октябрьской революции в России», авторами которой значатся И.И. Минц и С.С. Хромов. При переводе текста на английский язык фамилия Минца пропала.

¹⁹ *Хромов С.С. История Великого Октября на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте // История СССР. 1986. № 3. С. 190.*

В состав этой новой Комиссии вошли зарубежные исследователи — Гайер, К. Герман (Чехословакия), Дьюкс, А. Морич (Австрия), Мучи (вице-президент), Ш. Нацагдорж (Институт истории АН Монголии), Рабинович (вице-президент), Г. Розенфельд (ГДР), Христов. Причем Нацагдорж одновременно являлся представителем своей страны в минцевской Проблемной комиссии, которая вскоре самоликвидировалась.

Минц на конгресс не приехал, направив участникам собрания письменное приветствие, которое зачитал председатель Национального комитета историков СССР академик С.Л. Тихвинский²⁰. В нем говорилось о том, что «можно по-разному оценивать характер и движущие силы Октября, но все специалисты независимо от разных взглядов не могут не признавать значения Октября в истории человечества: подобно Великой Французской революции, возвестившей создание нового общества, так и Октябрь положил начало новейшему периоду истории»²¹. В своем дневнике Минц сделал 29 августа 1985 г. такую запись: «В этот день на... мировом конгрессе историков... должен был произнести вступительное слово в секции (т.е. комиссии. — С.И.), где обсуждалась проблема истории Октября. Впервые! До этого заправили исторического конгресса не допускали создания такой секции. Можно себе представить мое настроение!»²² Его отношение к этой Комиссии, надо полагать, улучшилось после того, как ему сообщили, что он был избран ее президентом. До этого момента он не мог быть ее главой, как ошибочно сказано в академическом справочнике²³. Фактическим же ее руководителем являлся директор Института истории СССР АН СССР Хромов.

Первым крупным мероприятием этой Комиссии стала международная конференция «Классы и политические партии в Октябрьской революции в России», которая состоялась 19–22 мая 1987 г. в Одессе. В ее работе участвовали ученые из 13 стран, в том числе Австрии, Великобритании, Индии, Китая, США, Финляндии, Франции, ФРГ. Конференцию открыли Минц и Хромов. С докладами выступили члены Комиссии Морич, Мучи, Рабинович, Христов, а также другие историки, в частности Дьюкс, У. Розенберг (США), М. Ферро (Франция), Чэнь Чжихуа (Ки-

²⁰ Там же. С. 191.

²¹ Российские историки на международных конгрессах исторических наук... С. 117.

²² «Из памяти выплыли воспоминания...» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 537.

²³ Российские историки на международных конгрессах исторических наук... С. 117.

тай)²⁴. В частности, доклад Дьюкса был посвящен необходимости компаративистского подхода к изучению революций. На примере развития британской историографии Октябрьской революции он показал, что ученые самых различных убеждений исходили из сравнения ее со «славной и бескровной» Английской революцией. Поэтому своеобразие революции в России британские историки выводили из традиционной «московской политической культуры конца XV–XVI вв.». По окончании конференции состоялось заседание бюро Комиссии, на котором были одобрены две темы для обсуждения на следующем заседании Комиссии. Во время конференции Минц показал ее участникам места, где он участвовал в событиях Гражданской войны.

Причастность Хромова к Комиссии вызывала иронию среди специалистов. Острая критика в его адрес не только как историка, но и как директора института прозвучала во время симпозиума «Великий Октябрь — переломное событие мировой истории» (Москва, 29–30 сентября 1987 г.), проходившего в Институте истории СССР АН СССР. Один из его участников член бюро Совета В.Д. Поликарпов в своем выступлении заявил, что Хромов и Бовыкин (в 1969–1975 гг. заместитель директора, в 1975–1988 гг. заведующий сектором этого института) «продолжают громить угробленное ими же 15 лет тому назад так называемое новое направление... Теперь здесь продолжается то же самое... Начиная порочить честные, по-настоящему творческие труды и работы... Мы находимся в головном институте по отечественной истории, который давно утратил все функции головного, и здесь никакие передовые идеи разрабатывать при нынешнем положении стало просто невозможно»²⁵. В 1988 г. Хромов, олицетворение академического бюрократа и идеологического «надзирателя», перестал директорствовать, что стало настоящим праздником для многих сотрудников этого института. Однако прозвучавшая тогда оценка института в целом не изменилась при последующих его руководителях, причем академическая исследовательская культура все более и более утрачивалась в его коллективе.

Начавшаяся перестройка поставила перед академическим руководством сложную задачу, как осуществить собственные перемены. В ходе

²⁴ Подробный отчет о конференции опубликован в отчете Института истории СССР АН СССР, где подчеркивалось, что именно это учреждение осуществило основную работу по ее подготовке и проведению (Отчет о работе Института истории СССР за 1987 год. М., 1988. С. 97–99).

²⁵ Из стенограммы симпозиума «Великий Октябрь — переломное событие мировой истории» // 1917 год в Евразии... С. 557, 562–563.

общей реорганизации системы научных советов Отделения истории АН СССР 15 октября 1987 г. минцевский совет был преобразован в Научный совет «Исторический опыт Великого Октября и последующих социалистических революций», 28 января 1988 г. Бюро Отделения истории продолжило реорганизацию: Совет получил название Научный совет по комплексной программе «Исторический опыт Великого Октября» (его состав, согласно постановлению Бюро Отделения истории АН СССР от 12 мая 1988 г., был таким: председатель Минц, его заместители — К.В. Гусев, Кораблев, К.Ф. Шацилло, ученый секретарь Иллерицкая; 41 член бюро, в том числе Анфимов, Бovyкин, Волобуев, Гапоненко, Городецкий, Игнатъев, Г.З. Иоффе, Миллер, Ненароков, Поляков, С.В. Тютюкин и др.; свыше 120 членов Совета).

В начале июня 1988 г. Минц сложил с себя обязанности руководителя Совета. 30 июня 1988 г. на первом заседании бюро Совета состоялось обсуждение проекта комплексной программы. С докладом выступил Минц, который начал с того, что заявил, что в 1987 г. подал заявление об уходе с поста председателя Совета. Его, однако, попросили остаться в связи с 70-летием Октября. В 1988 г. он вновь подал в отставку. «Мне предложили: не останетесь ли вы почетным председателем после стольких лет работы над этой проблемой? Между нами говоря, я — сказал далее Минц, — не знал, с чем это кушают, я вспомнил, как Михаил Николаевич Покровский по поручению ЦК рассматривал список будущих членов академии и по поводу одного, имевшего звание “почетного академика”, написал в резолюции: “Чести много, а денег платить ему не будут”. Почетным председателям в Академии наук, оказывается, не положено платить, но тем не менее я договорился с товарищем Кораблевым Юрием Ивановичем, который будет продолжать нашу работу, что я сохраню непосредственное участие», прежде всего в разработке истории интервенции.

Один из участников продолжительного заседания, Игнатъев, ознакомившись с документами по составу Совета, выступил с критикой в адрес его руководства: «У меня такое впечатление, что Научный совет формируется абсолютно по-старому, так же, как он формировался в прошлые годы. То есть, вероятно, в аппарате Научного совета опросили каких-то людей, составили предварительный список, передали в Бюро Отделения, [которое] утвердило и бюро Научного совета, и состав Научного совета... Мне кажется, что можно было бы этот предварительный список, прежде чем посылать его в Отделение, показать членам старого бюро Научного совета, чтобы они могли высказать свои предложения

и, может быть, кого-то внести, может быть, кого-то исключить и т.п. Но сейчас дело сделано, бюро утверждено, состав Научного совета тоже утвержден. Что-нибудь еще можно сделать? Мне кажется, что сегодня что-то еще можно сделать. У нас не утвержден председатель Научного совета. Мне кажется, что было бы правильно, если бы кандидатуру на должность председателя Научного совета рассмотрело бы бюро Научного совета, прежде чем его утвердит Отделение... по какому-то нашему представлению».

Также критически оценил состав бюро Научного совета и Манусевич; он предложил избрать в бюро не 41, а 15–18 человек, способных вести систематическую работу. Сложившаяся практика, когда работу бюро подменяет аппарат Совета, «несовместима с той ролью и обязанностями, которые лежат на бюро Научного совета», они «не могут быть передоверены группе товарищей, являющихся штатными сотрудниками Научного совета... Когда состав бюро был немногочисленным и когда оно в большинстве собиралось регулярно раз в месяц, каждый чувствовал себя участником и ответственным за то, что делается в Совете. Сейчас этого нет... нет демократического порядка формирования бюро».

Что касается проекта комплексной программы, то после бурных прений было решено переработать проект и представить его в Бюро Отделения истории АН СССР к 1 ноября 1988 г.²⁶

15 сентября 1988 г. Бюро Отделения истории АН СССР назначило председателем Совета члена-корреспондента АН СССР Волобуева и решило восстановить прежнее название Научного совета — «История Великой Октябрьской социалистической революции». При новом председателе были реформированы состав бюро и организационная деятельность Совета. Изменение общего подхода потребовало создания новой программы, работа над которой началась с сентября 1988 г.

С этой целью Совет провел в октябре 1988 г. «круглый стол», в работе которого приняли участие историки из 23 городов, представлявшие свыше 20 научных и учебных заведений²⁷. К концу декабря 1988 г. была раз-

²⁶ См. подробнее: «Великий Октябрь и гражданская война»: обсуждение плана работы Научного совета АН СССР (1988 г.) // Исторический вестник. 2018. Т. 23. С. 262–311. При поддержке членов Совета и Комиссии была подготовлена не только эта публикация, но также тематические и общие номера этого журнала. См.: 2012. Т. 2; 2014. Т. 8; 2015. Т. 14; 2016. Т. 18; 2017. Т. 21; 2020. Т. 32, 34; 2021. Т. 36; 2022. Т. 39, 41; 2023. Т. 43. Кроме того, они явились авторами публикаций в других номерах этого журнала.

²⁷ См.: Россия. 1917 год: Выбор исторического пути («Круглый стол» историков Октября, 22–23 октября 1988 г.). М., 1989.

работана программа исследований до 2000 г., ставившая задачу отойти от привычных, традиционных подходов и побудить историков к переосмыслению, казалось бы, решенных проблем, обновить тематику.

2 февраля 1989 г. бюро Совета обсудило и одобрило проект комплексной программы исследований по истории Октябрьской революции. Речь в ней, по существу, шла о возврате к ранее существовавшим (до разгрома «нового направления») тематическим и хронологическим параметрам исследований; программа ориентировала на изучение периода с рубежа XIX–XX вв. до окончания Гражданской войны. Тем самым Совет расширил сферу своих интересов, научная тематика стала разнообразнее. История Октябрьской революции стала рассматриваться шире, исходя из того, что первая (1905–1907 гг.), вторая (Февральская) и третья (Октябрьская) революции имели глубокую внутреннюю связь; Совет тем самым двигался от 1917 г. к 1905 г. Особое внимание при этом было уделено роли межэтнических отношений и национальной политике.

О том, как в Совете проходило обсуждение изменившейся общественно-политической обстановки и ее воздействия на ситуацию в исторической науке, можно судить по недавно опубликованной стенограмме Годичного собрания Совета, которое состоялось 25–26 апреля 1989 г. в стенах Института истории СССР АН СССР в Москве²⁸.

Совет продолжал координировать исследовательскую работу, готовил и проводил конференции, симпозиумы, «круглые столы», также обеспечивал работу Международной комиссии по истории Октябрьской революции, участвовал в других формах международного сотрудничества по ее изучению. 21–24 сентября 1989 г. в Вене прошло заседание Бюро МКИН, посвященное программе очередного конгресса МКИН. Были утверждены темы, в частности, заседания этой Комиссии: «Советы и общественные организации в Октябрьской революции»; «Политические деятели Октябрьской революции».

Вместо 4-го издания энциклопедии «Великой Октябрьской социалистической революции», которое готовилось к ее 75-летию, Совет в сжатые сроки подготовил биографический справочник, который состоял из более 300 персоналий политиков всероссийского масштаба, проявивших себя в условиях революционного 1917 г., показывавший всю палитру политических сил того времени, от монархистов до большеви-

²⁸ См. подробнее: «Великий Октябрь и гражданская война»: обсуждение работы и планов Научного совета АН СССР (1989 г.) // Исторический вестник. 2018. Т. 25. С. 120–223.

ков²⁹. На эту инициативу Совета повлиял тот факт, что в 1989 г. в США вышел «Dictionary of the Russian Revolution». По сути, это издание — энциклопедия революции 1917 г., написанная большой группой ученых из Великобритании, Германии, Нидерландов, США, Франции, Японии и ряда других стран.

В 1989 г. член Комиссии Гайер отметил, что советская партийная бюрократия, диктующая, что есть истина, привела к тому, что историкам на Западе трудно было рассматривать советскую историческую науку в качестве партнера. Он подчеркнул, что в первый раз предоставляется возможность развивать более совершенные и плодотворные формы серьезной научной кооперации историков, в частности, ФРГ и СССР³⁰.

В 1989 г. другой член Комиссии, Дьюкс, отмечал, что для дальнейшего развития контактов и сотрудничества между историками разных стран следует сделать еще очень многое. Под влиянием общения с советскими историками — членами этой Комиссии он писал, что должно быть больше терпимости к различным точкам зрения. Пока же, по его впечатлениям, обнаруживается больше слепого патриотизма, больше эмоциональных реакций, чем академического анализа. «Тем не менее я, — считал он тогда, — убежден, что не только в длительной перспективе, но и в ближайшее время историки из разных стран смогут расширить и умножить число научных контактов... Я убежден, что, развивая совместные исследования... мы сможем расширить круг знаний друг о друге, улучшить взаимопонимание»³¹.

В 1989 г. книга еще одного члена Комиссии, Рабиновича, посвященная приходу к власти большевиков, была переведена и опубликована в СССР, тем самым став здесь первым западным научным исследованием революции 1917 г.³² Рабинович и Мучи, будучи участниками Международной научной конференции историков «Россия, СССР в XX веке»³³,

²⁹ См.: Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993.

³⁰ Гайер Д. Проблемы и перспективы сотрудничества историков Советского Союза и ФРГ // История СССР. 1990. № 2. С. 208–209.

³¹ Дьюкс П. История в современном мире // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 178.

³² См. подробнее: Рабинович А.Е. Размышления о работе моей жизни: Изучение большевиков, русской революции 1917 г. и динамики начала строительства советского государства в Петрограде // Петербургский исторический журнал. 1914. № 3. С. 241.

³³ Фактически тогда состоялся первый в СССР конгресс советологов: их прибыло 40 из Великобритании, Израиля, Канады, США, Франции, ФРГ, Японии и других стран. Советских ученых было около 120 (Научно-организационная деятельность Академии наук СССР в 1990 году. М., 1991. С. 49).

которая прошла весной 1990 г. в Москве, заявили, что почти все вопросы политической истории 1917 г. нужно изучать по-новому, что начинать нужно сызнова, что не должно быть монополии на истину какой-то группы историков или целых учреждений³⁴.

20 июня 1990 г. Минц написал письмо членам бюро Комиссии с просьбой освободить его от обязанностей президента, рекомендовав на этот пост Волобуева. 28 августа на XVII конгрессе МКИН в Мадриде (27 августа — 2 сентября 1990 г.) состоялось заседание Комиссии, на котором был заслушан ряд докладов, в том числе Волобуева, Трукана, Хромова. После обсуждения Комиссия приняла план работы по следующим направлениям: 1. Россия на рубеже XIX — начала XX в. Альтернативы исторического развития. 2. Революция 1905–1907 гг. 3. Небольшевистские демократические партии в революции 1917 г. 4. Гражданская война в России: противоборствующие стороны, последствия. 5. Революции и реформы в истории России 1900–1920-х гг.

Участник этого заседания Рабинович вспоминал, что советские историки отвергли его выводы относительно характера большевистской партийной организации в Петрограде и ее отношения к неудавшимся июньской демонстрации и июльскому восстанию, а также характера и целей июльского движения в целом, что это чувство у части советских ученых проявилось с силой на заседании Комиссии в Мадриде³⁵. Согласно правилам МКИН, в заседании Комиссии были сделаны и кадровые решения: Волобуев был избран ее президентом, а Г.З. Иоффе — генеральным секретарем вместо Хромова.

По возвращении в Москву Волобуев получил письмо из Отделения истории АН СССР, в котором предлагалось высказать мнение о предложении создать в системе Академии наук СССР Институт истории трех российских революций, которое было изложено в письме, подписанном молодым кандидатом исторических наук А.Б. Николаевым (учеником известного советского историка О.Н. Знаменского) из Ленинграда. 4 сентября 1990 г. в письме на имя президента АН СССР Г.И. Марчука Волобуев изложил свой взгляд на замысел появления в Ленинграде по-

³⁴ До и после Октября. Беседа с профессором Индианского университета А. Рабиновичем и доктором исторических наук, руководителем Отдела общественных наук Венгерской АН Ф. Мучи // Диалог. 1990. № 15. С. 72–77.

³⁵ *Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising.* Indiana University Press. 1991. P. XII. Эта книга переведена и издана в России. См.: *Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде* / Пер. с англ. М., 1992. В переводе, который вышел под редакцией Волобуева, указанная сноска с таким содержанием отсутствует.

добного научного учреждения, инициированный группой историков оттуда.

Вскоре в составе Совета начались перемены. Волобуев пригласил меня, молодого кандидата исторических наук, в 1985–1988 г. аспиранта Института истории СССР АН СССР³⁶, в Совет, в котором я стал работать с 15 октября 1990 г. 27 ноября 1990 г. Волобуев обратился в Отделение истории АН СССР с просьбой освободить от занимаемой должности ученого секретаря Совета Иллерицкую и назначить на эту должность М.М. Горинова. В декабре 1990 г. Волобуев был избран академиком. 5 февраля 1991 г. он обратился с письмом к академику-секретарю Отделения истории АН СССР академику И.Д. Ковальченко, в котором отмечал, что в связи с обновлением и омоложением руководством порученного ему Совета он просил освободить от обязанностей всех трех заместителей председателя Совета (Кораблева, Гусева и Шацилло) и утвердить первым заместителем председателя В.П. Булдакова, заместителями председателя — Миллера и Тютюкина, ученым секретарем — Горинова. 7 февраля 1991 г. это ходатайство было утверждено.

20 июня 1991 г. Бюро Отделения истории АН СССР утвердило Волобуева руководителем программы «Революция и реформа: их роль в историческом развитии общества». Но планы и деятельность Совета были вскоре серьезно скорректированы: 27 августа 1991 г. состоялось заседание Совета относительно перспектив работы Совета в связи с недавними событиями (19 августа 1991 г.) в жизни страны. Волобуев предложил изменить название Совета на «Совет по истории российских революций», что встретило поддержку ряда членов Совета, однако прозвучали и другие варианты. В итоге было решено переименовать его в Совет «История революций в России» (название предложено мной). В тот же день Волобуев информировал Отделение истории АН СССР о том, что в связи с расширением проблематики исследований, стремлением создать комплексное представление о сущности революционных процессов в XX в., учитывая перспективные планы Отделения истории АН СССР и актуальность данной проблематики, Научный совет АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» пришел к решению о переименовании. Новое назва-

³⁶ Проходя в данном институте двухгодичную стажировку, мной были сданы все кандидатские экзамены до поступления в аспирантуру, что было отмечено в его отчете (Отчет о работе Института истории СССР за 1985 год. М., 1986. С. 67).

ние Совета — «История революций в России» было утверждено Отделением истории АН СССР.

К концу 1991 г. функции Совета изменились: из преимущественно административно-директивного «штаба» он за годы перестройки трансформировался в главным образом интеллектуально-дискуссионный центр изучения революционного процесса в Северной Евразии конца XIX — начала XX в. Проявилась способность Совета предлагать не только перспективные, в контексте мировой исторической науки, научные идеи, исследовательские и публикаторские проекты, но и эффективно без какого-либо формализма и бюрократического фаворитизма организовывать их претворение в жизнь. Совет стремился стать интеллектуальным лидером в области изучения Октябрьской революции и воздействовать на течение исторической мысли в этой области прежде всего генерированием перспективных научных идей.

Происходившие резкие перемены в советском обществе повлекли за собой ликвидацию социализма и распад СССР, и в таких условиях секции Совета, имевшиеся при академиях всех союзных республик, фактически прекратили контакты с бюро Совета; он стал заниматься преимущественно разработкой различных аспектов истории Октября в пределах собственно Российской Федерации. В связи с реорганизацией Российской академии наук заново формировалась сеть научных советов, комитетов и комиссий, состоящих при отделениях и Президиуме РАН. 16 января 1992 г. Бюро Отделения истории РАН постановило образовать, в ряду других, Научный совет «История социальных реформ и революций» (сопредседатели академики Волобуев и Г.Н. Севостьянов, который возглавлял Совет по истории революций и социальных движений, координировавший исследовательскую деятельность институтов Отделения истории РАН по соответствующей проблематике во всемирно-историческом процессе, в мировой историографии). Таким образом, на базе двух ранее существовавших научных советов возник один новый — по истории социальных реформ и революций (прежние советы преобразовались в его секции).

В академической жизни тем временем все сильнее ощущались негативные явления. В замечаниях (1 марта 1992 г.) на проект основных принципов организации и деятельности научно-исследовательских институтов РАН Волобуев писал, что во главе части институтов стоят представители бывшей партийно-административной номенклатуры, об «авторитетности» которых как ученых «говорить не приходится. Часть институтов стала вотчинами своих директоров... насадивших в них ре-

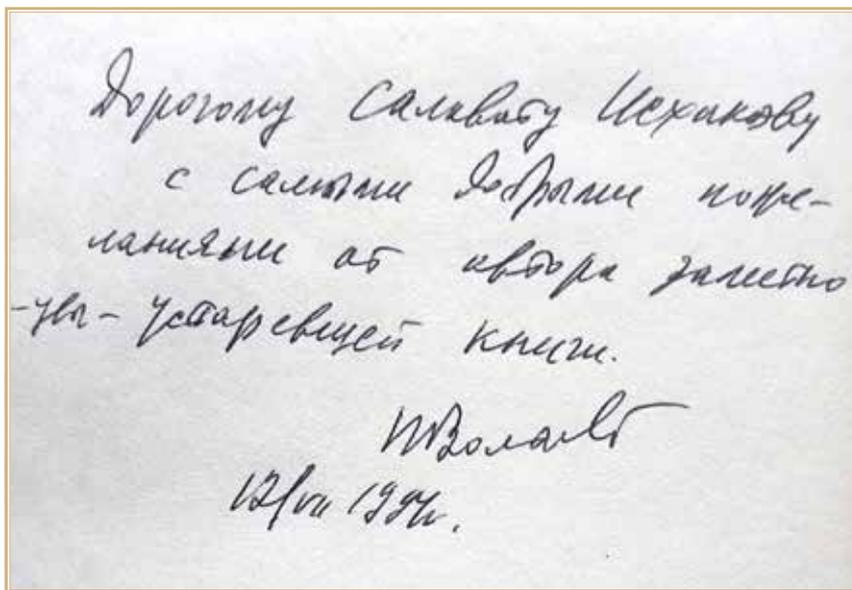
жим личной власти. Фаворитизм, субъективизм и произвол администрации — вот на что обычно жалуются работники академических институтов... С режимом личной власти и бесконтрольным административным руководством во многих наших институтах надо кончать. Ведь не случайно из-за своеобразного научного климата в последнее десятилетие у нас все меньше становится ученых мирового класса, а классики науки не появляются вовсе... Роль научной общественности, особенно крупных ученых, надо резко повысить, а зависимость ученых от администрации постараться максимально ограничить». И как показали дальнейшие события, все произошло с точностью до наоборот, в том числе в Институте российской истории РАН — преемнике Института истории СССР АН СССР.

Годы перестройки показали, что задача Совета заключалась не только в том, чтобы стимулировать работу по изучению разноцветных «пятен» истории Октября, но также в том, чтобы защитить историческую мысль от продолжающегося давления догматизма и бюрократического вмешательства. В постперестроечное время к этому добавилось усиление консерватизма.

Руководство Совета было также обеспокоено резким сокращением финансирования международных научных связей. Волобуев считал, что необходимо принять меры к поддержанию такого сотрудничества хотя бы в рамках международных научных организаций и прежде всего не допустить срыва мероприятий по линии МКИН и его Комиссии по истории Октябрьской революции.

Текущие вопросы работы Комиссии обсуждались и решались во время ее заседаний, которые периодически проводились. Так, в Вене 19 октября 1992 г., во многом благодаря поддержке зарубежных коллег, состоялось ее заседание, на котором были приняты важные решения — выдвинуть для обсуждения на XVIII конгрессе МКИН две темы: «Переосмысление истории русской революции» и «Человек в эпоху революции». Кроме того, по предложению Волобуева, было решено изменить название Комиссии, которая стала с тех пор именоваться как Международная комиссия по истории Российской революции. Благодаря Комиссии продолжали укрепляться связи Совета с зарубежными исследователями, в особенности из Великобритании, Германии, США, Финляндии, Японии. Коллеги из разных стран рассматривали Совет как ведущий центр по истории российских революций.

Исходя из реальной оценки резко сократившихся возможностей, Совет сосредоточил усилия прежде всего на организации небольших

Надпись (от 12.VII.1994 г.) П.В. Волобуева на форзаце его монографии «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность», изданной в Москве в 1987 г.

конференций, симпозиумов, «круглых столов», дискуссионных клубов. 1–2 февраля 1994 г. в Москве проходило очередное годовое собрание Совета, в работе которого приняли участие свыше 80 ученых из 22 научных центров страны. Пытаясь найти выход из возникших трудностей, было предложено восстановить статус Совета как самостоятельного подразделения РАН, поскольку специалисты, как говорилось в выступлениях, продолжали рассматривать его как практически единственный центр в России по изучению российской истории всей первой четверти XX в.

1 марта 1994 г. Волобуев обратился с письмом в Отделение истории РАН, в котором сообщал, что практика двух лет существования объединенного Совета выявила формальный характер такого объединения: оно не принесло ожидаемых результатов. На этом основании ставился вопрос о восстановлении Совета как самостоятельного подразделения в рамках РАН. 10 марта Бюро Отделения истории РАН решило разделить Научный совет «История социальных реформ и революций» на два самостоятельных совета: «История революций в России» (председатель Волобуев) и «История социальных реформ и революций» (председатель Севостьянов).

20 сентября 1994 г. члены бюро Совета высказались за то, что следует искать новые формы работы. Для этого решили выдвинуть один

Председатель Научного совета РАН «История революций в России», академик П.В. Волобуев. *Москва, 1995 г.*

крупный проект. Тютюкин предложил тему «Революция и человек», которая заинтересовала многих исследователей. Подводя итоги обсуждения, Волобуев поддержал данную тему. Впервые при изучении истории революции российскими учеными была поставлена во главу угла человеческая личность, а не партии или классы.

Совет начал поворот от преимущественно политического анализа революций к изучению ее социально-психологического содержания, что привело к формированию нового научного направления в российской исторической науке — революционной антропологии.

Во время XVIII конгресса МКИН в Монреале (27 августа — 3 сентября 1995 г.) состоялось заседание Комиссии по истории Российской революции. Несмотря на то, что Волобуев не смог приехать на конгресс, его переизбрали ее президентом (вопреки этому факту в издании Национального комитета историков России сказано, что президентом Комиссии тогда стал директор Института российской истории РАН А.Н. Сахаров³⁷), генеральным секретарем был выбран Будаков. Мне поручили исполнять обязанности секретаря этой Комиссии, в дополнение к той работе, которую я выполнял, будучи незадолго до этого назначен ученым секретарем Совета. В 1995 г. в рамках общей концепции работы

³⁷ Российские историки на международных конгрессах исторических наук... С. 153.

Научного совета «История революций в России» была продолжена разработка проблематики «Революция и человек»³⁸.

Планы Совета и его работа изменились после кончины Волобуева 22 сентября 1997 г. Обязанности президента Комиссии и председателя Совета временно стал исполнять Тютюкин. В 1998 г. он, загруженный работой в журнале «Отечественная история», решил оставить Совет.

Вскоре статус Совета существенным образом изменился. Согласно постановлению Президиума РАН от 26 января 1999 г., при Отделении истории РАН был создан Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций во главе с Севостьяновым. Этот Совет все же следовало назвать «Научный совет по истории социальных движений, реформ и революций», что отражает общеизвестный алгоритм исторических событий: социальные движения приводят к реформам, а если их нет, то — к революциям. В севостьяновский Совет был включен Совет по истории революций в России, что сразу же вызвало у части контактировавших с волобуевским Советом историков, а также бывших сотрудников Совета неверное мнение, что под видом такой реорганизации фактически произошла ликвидация Совета по революциям.

В том же 1999 г. проявились интриги против Совета со стороны директора Института российской истории Сахарова, о чем свидетельствует такой поразительный факт: в официальном справочнике, изданном в 1999 г., было указано, что председателем нового Совета является якобы Сахаров, ученым секретарем — Е.Н. Рудая³⁹. Причем последняя, выполняя поручение Сахарова, требовала, чтобы я передавал ей ежегодные отчеты о работе Совета, вопреки установленному порядку, когда эти отчеты полагалось направлять непосредственно в Отделение истории РАН. Это означало, что Сахаров хотел не только знать, что конкретно делал Совет, но и присваивал себе его работу.

Вопреки усиленно распространяемым слухам, работу по революционной тематике Совет вовсе не свернул, а значительно расширил при поддержке историков из различных регионов страны и зарубежных коллег.

Перед Советом встали методологически сложные и организационно масштабные задачи. Прежде всего это связано с задачей общего

³⁸ Научно-организационная деятельность в 1995 году. Отчет Российской академии наук. М., 1996. С. 75.

³⁹ Российская академия наук. Справочник. 1999. Ч. II. М., 1999. С. 284.

осмысления истории XX в., того, какое место принадлежит в ней российским революциям.

Актуальность этой задачи повысилась в связи с тем, что в новейшей историографии стало распространяться мнение о том, что вообще революции не оказали заметного влияния на исторический процесс в XX в., что, в частности, в России они якобы являются случайными, выпадающими из общего мирового развития эпизодами, социальными «спазмами», отклонениями от «нормального» развития, нарушениями общественного равновесия, очередными русскими смутами и т.п. Такая «критика» со стороны консервативного течения в общественных умонастроениях оказывала давление на научный поиск, пыталась направить исследовательскую деятельность в нужное для него русло. Все это ощутила и Комиссия.

Как исполняющий обязанности ее президента, Тютюкин должен был поехать на ее заседание (11–12 августа), намеченное во время работы XIX конгресса МКИН (Осло, 6–13 августа 2000 г.), и выступить с докладом о трансформации российской социал-демократии в XX в. Вместе с ним собирались там выступить Булдаков — о новых тенденциях в историографии русской революции и еще несколько российских историков.

Накануне открытия конгресса, на заседании Бюро МКИН 5 августа 2000 г., генеральный секретарь МКИН Ф. Бедерида отметил, что продолжаются переговоры с этой Комиссией, но не раскрыл их содержания. Речь, надо полагать, шла о новом ее президенте, и этот вопрос, согласно правилам МКИН, следовало решить в ходе заседания Комиссии на конгрессе. С кем именно Бедерида переговаривался? Очевидно, с членом этого бюро, представителем России. А им был академик РАН Г.М. Бонгард-Левин, который действовал по указаниям руководства Национального комитета историков России. В итоге подготовка заседания Комиссии была сорвана: почти все ее члены, в том числе Тютюкин, не прибыли на конгресс, а Булдаков, приехав на конгресс 7 августа, встретился с кем-то из академиков, после чего в тот же день неожиданно покинул конгресс, чтобы не участвовать в заседании Комиссии.

Ситуация прояснилась, когда на ее заседании 11 августа появился директор Института российской истории Сахаров, который не имел к ней отношения, и под предлогом отсутствия Тютюкина и Булдакова провел заседание, где выступил с подготовленной заранее речью. Ее пафос сводился к тому, что революция, как сказано в официальном отчете об этом собрании, «выходит за рамки цивилизованных процессов и отбрасыва-

Международная конференция, организованная Научным советом при поддержке Уфимского государственного нефтяного технического университета.
 Слева направо: Д. Рейли (США), С.М. Исхаков, С.В. Тютюкин. Уфа, 7 июня 2000 г.

ет общество назад в своем развитии». По словам Тихвинского, на этом заседании было принято решение, что президентом Комиссии является Сахаров⁴⁰, что не так. Дело в том, что на этом заседании присутствовал только один член этой Комиссии (им был Дьюкс, который выступил перед собравшимися делегатами конгресса с докладом об основных направлениях современной зарубежной историографии Октябрьской революции), т.е. процедура избрания нового президента, согласно уставу Комиссии, ее членами не состоялась, а имело место собрание группы участников конгресса и его гостей, которые не имели права решать какие-либо кадровые вопросы по Комиссии. Причина отсутствия почти всех членов Комиссии, которых из Москвы заблаговременно «забыли» пригласить на конгресс, очевидна: их появление не дало бы никакой возможности Сахарову взять на себя подобную роль. Таким образом, решение поставить во главе ее Сахарова было принято в Национальном комитете историков России задолго до конгресса, нарушая тем самым правила МКИН.

Высказанная же в Осло «точка зрения» Сахарова на исторический процесс — обычный пропагандистский алгоритм, который сводится к отрицанию роли революций в социальном и цивилизационном про-

⁴⁰ Российские историки на международных конгрессах исторических наук... С. 12, 170–171.

грессе человечества вообще. В отношении русских революций, в частности, «мнение» Сахарова определялось очередной политической конъюнктурой, идеологическим заказом по дискредитации революции как таковой.

Прекрасно знавшая его «научные взгляды», бывшая сотрудница Института российской истории РАН Алексеева так охарактеризовала их: «Объявляя себя специалистом по всем эпохам и проблемам истории России», Сахаров «не увидел, что все цивилизации, начиная с Древнего мира, формировались, существовали и развивались при участии двух субъектов — власти и народа, а когда их цели, интересы расходились, они гибли под напором внутренних и внешних факторов». Он не был «способен разграничить проблемы теории и методологии, новые подходы и новую тематику, методологию истории и историографии». «Своими примитивными размышлениями о сложных проблемах теории и методологии Сахаров наглядно продемонстрировал всему научному сообществу немощь теоретического, методологического мышления, которая, как неизлечимый вирус, поразила изучение и истории, и историографии в Институте российской истории РАН». В издаваемой здесь литературе после 1991 г. самым распространенным стала фальсификация истории XX в., которая «часто существует как соединение сознательного извращения фактов» (Сахаров и другие сотрудники этого института) «с невежеством, которое связано с низким уровнем профессионализма в области конкретной истории, источниковедения, истории исторической науки». Не понимая сложных процессов, происходивших в науке XX–XXI вв., Сахаров и другие сотрудники его института «подходят с позиций признания только внешних факторов влияния — идеологии и политики». Такая точка зрения стала особенно популярной на рубеже этих веков среди определенных групп историков в «ущерб осмыслению внутренних процессов, существенных изменений, новых тенденций и закономерностей». «Такие воспитатели ученых нового поколения, как Сахаров» и другие, «способны воспроизвести только себе подобных, со всеми чертами теоретической и методологической беспомощности, с крайне низкой исследовательской культурой...»⁴¹. И все это «наследие» сильно сказалось на работе этого института в постсахаровский период.

После конгресса Сахаров взял на себя подготовку следующего заседания Комиссии, пригласив ряд ее членов. Для этого он воспользовался

⁴¹ Алексеева Г.Д., Манькин А.В. Историческая наука в России XXI века. М., 2011. С. 93–94, 96, 97, 152, 178, 184.

тем, что Совет проводил 10–12 апреля 2001 г. в Москве Международную научную конференцию по теме «Реформы и революции в России в XX веке». 12 апреля 2001 г. на заседании Комиссии, которая состоялась в Институте российской истории, ее членами были избраны Ф. Кокен (Франция), Д. Свак (Венгрия), Р. Сервис (Великобритания), Дж. Смит (Великобритания), М. Рейман (ФРГ), В. Чинелла (Италия) и др., ее президентом стал Сахаров, а генсеком — автор этих строк вместо Буддакова. Последний же, имея приглашение с японской стороны и разрешение Сахарова, в июне 2001 г. отбыл почти на год в научную командировку в Университет Хоккайдо, а вернувшись, дистанцировался от Комиссии и Совета. Вскоре после этой конференции Сахаров захотел стать заместителем Севостьянова в Совете, чтобы взять его в свои руки как только представится момент. Узнав об этом от Севостьянова, я ответил ему, что в таком случае покину Совет.

Дальнейшие события показали, что, с одной стороны, не было взаимопонимания некоторых новых членов Комиссии с ее новым руководителем, который был весьма далек от ее научных проблем, с другой — у некоторых бывших ее членов кадровые перестановки вызвали желание вести «серьезную войну» против меня лично и против Комиссии вообще. 2–3 сентября 2002 г. в Амстердаме состоялась Генеральная ассамблея МКИН, на которую были приглашены Сахаров и я. Сахаров пообещал мне, что он обязательно поедет, но в самый последний момент неожиданно заявил, что не поедет туда, что мне следует самостоятельно позаботиться о расходах на эту командировку, так как институт якобы не имеет средств оплатить такую командировку. Очевидно, что таким образом он не хотел допустить меня на это мероприятие, я, однако, все же поехал за свой счет. После возвращения из такой «командировки» Сахаров, крайне недовольный моей поездкой, запретил, не имея таких полномочий, мне дальше исполнять обязанности генсека, назначив (!) на эту выборную должность своего заместителя по международным связям А.П. Колодникову, и ей же поручил готовить заседание Комиссии на следующем конгрессе.

Из произошедшего перед конгрессом в Осло и во время него следовало, что у Тихвинского и Сахарова имелся вполне определенный план по узурпации престижной международной организации. Более того, встав у руля Комиссии, Сахаров и не собирался соблюдать правил МКИН, причем его действия вызвали нескрываемое торжество у его окружения, надеявшегося использовать Комиссию также в своих целях, далеких от науки, в престижное времяпровождение за счет институтских командировок.

Кроме того, Сахаров, так и не став заместителем Севостьянова по Совету, стал мешать и его работе, сначала исподтишка, а затем все сильнее, что особенно проявилось при подготовке и в ходе международной научной конференции, которую Совет провел в Москве 14–15 сентября 2004 г. После нее Севостьянов решил не проводить каких-либо научных мероприятий в стенах Института российской истории при таком директоре, который чинил всяческие препятствия всей работе Совета (в частности, вся зарубежная корреспонденция, особенно из МКИН, на мое имя вскрывалась Колодниковой, причем если что-то ей не нравилось в этих письмах, она выбрасывала их в мусорную корзину; была попытка оставить Совет без комнаты, а меня уволить из института⁴², и пр.). Зная обо всех этих действиях администрации института, Севостьянов решил, в знак протеста, не появляться в этом институте, предпочитая решать все вопросы по телефону, всецело полагаясь в разнообразной практической деятельности Совета на автора этих строк. Так я фактически стал заместителем председателя Совета.

В 2005 г. я, несмотря на то что был Сахаровым отстранен от Комиссии, получил как генеральный секретарь приглашение от оргкомитета на заседание Комиссии в рамках XX конгресса МКИН (Сидней, 2005 г.)⁴³, что стало основанием моей заявки на грант Российского фонда фундаментальных исследований, чтобы поехать на конгресс, которая была одобрена. Эта новость (приглашение и грант), однако, вызвала недовольство у ряда членов Бюро Отделения историко-филологических наук РАН, привыкших подбирать по своему усмотрению состав советских/российских делегаций на подобные мероприятия. Меня вызвали туда и подробно расспрашивали, как так получилось

⁴² В конце 1990-х гг. в институте работали три уроженца Башкортостана и Татарстана, тюркского происхождения. Как только Сахаров стал директором, он сразу же уволил одного из них — Ш.Ф. Мухамедьярова, ученого с мировым именем, специалиста по истории тюркско-мусульманских народов Северной Евразии, а затем с той же целью усиленно преследовал М.А. Рахматуллина, заместителя главного редактора журнала «Отечественная история». Пытаясь уволить и меня, директор на протяжении ряда лет использовал хорошо знакомые ему приемчики, но безуспешно. Все эти действия показывали вполне определенную психологию не только Сахарова, но и его близкого окружения и ряда сотрудников.

⁴³ В программе конгресса указано, что на заседании Комиссии выступят 4 докладчика: из Великобритании, Новой Зеландии, России и Японии. Их тексты, посвященные сравнительному анализу революций, опубликованы в материалах конгресса. См.: History in Global Perspective: Proceedings of the 20th International Congress of Historical Sciences, Sydney 2005. Sydney, 2006. CD-ROM.

с приглашением на конгресс. А когда я пришел к Сахарову подписать заявление о командировке в Сидней, тот, не скрывая своего злорадства, заявил, что запрещает мне эту поездку, несмотря на наличие гранта от российского фонда. После этого разговора он послал на конгресс сотрудника института С.В. Журавлева, не имевшего отношения к работе Комиссии, причем оплатив ему поездку туда за счет института. Таким путем тот оказался в числе 12 ученых, которые, как сказано в отчете об этом конгрессе, представляли там российскую историческую науку. Журавлев принял участие в дискуссии на заседании секции «Учебник истории: от истории нации к истории граждан»⁴⁴. В отчете не сказано, что состоялось заседание Комиссии. Вот что там произошло.

На этом заседании (налицо были только 2 ее члена) с докладом выступили член Комиссии Смит, а также другие ученые, указанные в программе. Присутствовавший там Журавлев заявил собравшимся, что его уполномочил Сахаров, и озвучил его предложение, суть которого состояла в том, что данный состав Комиссии не следует переизбирать, а всем ее членам — вновь собраться в Москве, где и провести выборы. Этот сценарий получил отпор со стороны генерального секретаря МКИН Ж.-К. Робера, который, во-первых, отказался признавать Журавлева представителем Комиссии, во-вторых, заявил, что не признает выборы в Москве и что ситуацию следует исправить на следующей Генеральной ассамблее МКИН. Одним словом, в Сиднее произошел полный провал сахаровского замысла. После конгресса Сахаров вместе с Колодниковой решили свалить на меня все неудачи Комиссии, однако эта попытка не удалась.

На заседании в Париже 3 марта 2007 г. Бюро МКИН, тщательно изучив действия Сахарова, решило рекомендовать Генеральной ассамблее в Пекине в сентябре 2007 г., что эта Комиссия больше не может быть комиссией в составе МКИН, поскольку она, являясь внутренней организацией МКИН, утратила свой подлинный международный статус и не смогла на должном уровне организовать и провести свое заседание в Сиднее, а после конгресса — нормально функционировать. Действия Сахарова и ряда других причастных к этому фиаско лиц не соответствовали правилам, которые являются абсолютно фундаментальными с точки зрения МКИН. Во-первых, такие комиссии должны быть междуна-

⁴⁴ Бибииков М.В., Тишков В.А., Волков В.К. XX Международный конгресс исторических наук // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 4, 7.

родными по своему охвату и управлению, во-вторых, они должны уважать свои уставы и регулярно собираться. В реальности эта Комиссия, по оценке Бюро МКИН, фактически действовала в последние годы как комиссия Российской академии наук с привлечением ряда иностранных ученых. В то же время консультации, проведенные Робером, показали, что историки за пределами России не проявляли интереса к Комиссии под руководством Сахарова.

На Генеральной ассамблее МКИН в Пекине в сентябре 2007 г. представителя Комиссии также не оказалось. Вопрос о том, кто будет ею руководить, обсуждался Робером с прибывшим туда Тихвинским при участии академика РАН И.Х. Урилова. В итоге Робер отклонил их предложение «передать» Комиссию Урилову и взял руководство ею на себя до следующего конгресса, решив, что самым лучшим выходом из сложного клубка противоречий внутри нее и все более разгоравшихся вокруг нее интриг является прекращение работы этой Комиссии в составе МКИН. После возвращения из Пекина Тихвинский, однако, заявил, что им там был якобы достигнут успех, но вскоре выяснилось, что это ложь.

В 2007 г. случайно обнаружилось, что с 1999 г. Сахаров, как уже отмечалось выше, в справочниках РАН указывал себя председателем Совета, которым руководил Севостьянов. Последний, пораженный еще одним фактом аффективных действий этого директора академического института, вскоре добился, чтобы в новом справочнике были даны правильные сведения о том, что председателем этого Совета является Севостьянов, а ученым секретарем — автор этих строк⁴⁵.

В том же 2007 г. Тютюкин был удален Сахаровым из журнала «Отечественная история», после чего я предложил Севостьянову вернуть в Совет Тютюкина, на что академик ответил согласием. С этого момента мы с Тютюкиным в качестве фактически двух заместителей Севостьянова сделали все, что могли как для Совета, так и для Комиссии.

Получив отказ Робера в проведении заседания Комиссии в Москве, Сахаров в мае 2008 г. поехал в Будапешт, где при помощи Свака провел «заседание» Комиссии (с участием узкого круга преданных ему лиц, прибывших туда), на котором было «решено» исключить меня из Комиссии (был даже подобран сотрудник института из сахаровского окружения). В ноябре 2008 г. Бюро МКИН рассмотрело пункты этого будапештского «меморандума» и ответило Сахарову, что не признает их, вновь повторив, что следует соблюдать устав этой организации и организовать

⁴⁵ Российская академия наук. Справочник. 2007. Ч. II. М., 2007. С. 380.

заседание Комиссии на следующем конгрессе МКИН в Амстердаме, во время которого провести выборы президента и генсека. Такой ответ означал, что повторить то, что произошло в Осло в 2001 г., у Сахарова и его группы не было шансов.

На XXI конгрессе МКИН (Амстердам, 22–28 августа 2010 г.) я, получив официальное приглашение, был представителем этой Комиссии на заседании Генеральной ассамблеи МКИН. На конгрессе состоялось последнее в составе МКИН заседание Комиссии с участием Робера. Я сделал доклад о ее работе с 2000 г., в котором объяснил причины моего отсутствия на заседании Комиссии на конгрессе в Сиднее и на заседании Генеральной ассамблеи в Пекине, куда я также был приглашен, но не имел возможности поехать из-за Сахарова. Ни одного из высокопоставленных представителей Российской академии наук, естественно, не было на этом заседании в Амстердаме.

Как, впрочем, ни одна их кандидатура не была включена в программу этого конгресса. Единственным российским участником этого конгресса, попавшим в его программу, оказался преподаватель из небольшого провинциального университета, которому удалось пройти через отборочный этап заявок, направленных в оргкомитет конгресса со всего мира.

В отчете же о конгрессе, написанном российским членом Бюро МКИН, сказано, что в нем «принимали активное участие» 23 российских историка, представители различных учебных и научных учреждений, и указывались их фамилии, темы выступлений и пр.⁴⁶, что создавало впечатление о якобы большой подготовительной работе, проведенной Национальным комитетом российских историков. На самом деле все они являлись туристами, но приехавшими на конгресс за счет своих учреждений. А единственный официальный российский участник и тема его доклада были попросту проигнорированы в этом отчете. Что означала такая ситуация?

Вспоминая об этом и других конгрессах, Чубарьян — он с 1965 г. имел самое непосредственное отношение к МКИН — объяснил суть проблемы: «Если посмотреть на программы конгрессов 1960-х — начала 1980-х годов, то видно явное преобладание французских ученых, причем по всем периодам и темам исторического знания. А в программах конгрессов 1995 (тогда Чубарьян стал вице-президентом МКИН. —

⁴⁶ Бибииков М.В. XXI Международный конгресс исторических наук в Амстердаме // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 115.

Председатель Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, академик Г.Н. Севостьянов. Москва, 2006 г.

С.И.) и 2000 годов доля французских докладов неуклонно снижается». И в Амстердаме французских ученых было «немного». Это означало «явное снижение влияния французской историографии»⁴⁷. В таком случае, на что указывало полное отсутствие российских историков в программе Амстердамского конгресса, за исключением одного докладчика? Ответ очевиден: с одной стороны, очевидный провал в работе Национального комитета российских историков, который, как и ранее, занимался подбором участников для каждого конгресса, с другой — совершенно не подходящие для уровня мирового конгресса заявки российских историков, направленные в оргкомитет этого конгресса⁴⁸.

Проработав 25 лет в составе этой международной организации, Комиссия была исключена из нее, что было следствием действий не только Тихвинского, Сахарова, пытавшихся по своему усмотрению руководить этой Комиссией, но и тех, кто так или иначе содействовал им. Их фиаско нанесло сильный удар по репутации Российской академии наук в МКИН.

⁴⁷ Чубарьян А.О. Научная дипломатия. Историческая наука в моей жизни. М., 2021. С. 84.

⁴⁸ В 2006 г. представители Национального комитета российских историков объявили, что он готов рассмотреть предложения по тематике и структуре конгресса в Амстердаме, обсудить возможности поездки на конгресс молодых талантливых ученых, что гранты и финансовая помощь научных учреждений могли бы обеспечить участие в 2010 г. гораздо большего числа российских историков (Бибиков М.В., Тишков В.А., Волков В.К. Указ. соч. С. 11). Ничего из всего этого не получилось.

На последнем заседании Комиссии в Амстердаме инициативной группой исследователей из разных стран, участвовавших в работе конгресса, было решено начать подготовку создания новой международной комиссии под названием «Революции в Евразии в XX веке» (название придумал Смит) с целью изучения революций в Европе и Азии в сравнительной ретроспективе. Коллективная заявка этой группы была направлена в июне 2011 г. в Бюро МКИН. Новый генеральный секретарь этой организации Р. Франк (Франция), несмотря на просьбу Робера, не поддержал создание такой комиссии, но сама идея вовсе не была забыта, как показали дальнейшие действия нового Бюро МКИН и ее генсека.

Исключение Комиссии из состава МКИН вовсе не значило, как показалось многим бывшим ее членам, а также высокопоставленным управленцам из РАН, что ей пришлось прекратить свое существование. Она продолжила свою работу, но уже без какого-либо участия академических чиновников и их окружения.

Научный совет также продолжал свою работу, но без административно-помпезных бюрократизированных конференций, по разным направлениям переосмысления российской истории всего XX в., а также внешней политики СССР в 1920–1941 гг.⁴⁹, сумел при этом сохранить демократизм, академизм и свободу интеллектуального творчества, объединил десятки ученых из разных городов страны, многие из которых с энтузиазмом и энергией работали в региональных отделениях Совета, в том числе в Поволжском, центром которого несколько лет стала Самара⁵⁰.

12 марта 2013 г. скончался Севостьянов, возглавлявший Совет почти 15 лет. После чего в Академии наук несколько месяцев решался вопрос, что делать с этим Советом: одни хотели его просто упразднить, другие — прибрать в свои руки, но все эти замыслы не удались, столкнувшись с тем, что Совет сумел доказать, что как для ликвидации, так и для перехода под управление Института всеобщей исто-

⁴⁹ В 2002–2011 гг. Советом были подготовлены и опубликованы сборники рассекреченных документов: Москва — Рим. Политика и дипломатия Кремля. 1920–1939 гг.; Москва — Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931 гг.; Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1941 гг.; Москва — Берлин. Политика и дипломатия Кремля. 1920–1941 гг. Ответственный составитель двух последних трехтомников — автор этих строк.

⁵⁰ При поддержке Совета здесь с 2013 г. стал выходить ежегодный электронный сборник «XX век и Россия: общество, реформы, революции». См.: <http://sbornik.libsmr.ru/release.html>

рии РАН нет никаких веских причин. В итоге Совет остался в здании Института российской истории, которому в постсахаровский период оказал, без преувеличения, большую научно-организационную помощь, оставаясь при этом, как обычно, в тени для научной ответственности.

Многолетняя борьба вокруг Совета — пример того, что проблемы истории революционной Северной Евразии стали не только предметом научных дискуссий, но оказались элементом острой идеолого-пропагандистской борьбы и попали в сферу устремлений чиновников управлять историками. Тем самым нарушался основной закон существования научного сообщества — свобода научного исследования, что, в свою очередь, ведет к деструкции процесса саморазвития академического мира⁵¹. Признаки этого явления были налицо.

Установка по деволуции революции и превращению ее в «смуту» повторяла, в сущности, советскую критику «буржуазной советологии». Вот что писал в начале 1970-х гг. заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезников: в отношении Октябрьской революции в многочисленных публикациях на Западе «были прямые попытки вычеркнуть, замолчать все революционное... и представить... революцию тусклой, бесцветной, угасающей...»⁵². Теперь эта революция в многочисленных российских публикациях изображается «смутой», «красной смутой», «цветной революцией» и т.п.

Подобный постсоветский ревизионизм в отношении революции как таковой вызвал большое удивление зарубежных специалистов. Так, один из «буржуазных советологов», бывший член Комиссии У. Розенберг (США) летом 2013 г. на международном коллоквиуме в Петербурге заявил, что он не согласен с книгой «Красная смута» Булдакова⁵³, бывшего генсека Комиссии. Другой бывший генсек Комиссии Г.З. Иоффе из Канады почти одновременно написал, что это была именно революция, которая опрокинула многовековую монархию и буржуазную республи-

⁵¹ Горохов В.Г., Бехманн Г. Изменение роли науки в обществе: поиск новых идеалов в научной системе Германии // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 3. С. 260.

⁵² Трапезников С.П. На крутых поворотах истории (Из уроков борьбы за научный социализм, против ревизионистских течений). Второе дополненное издание. М., 1972. С. 170.

⁵³ Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX — середина XX в.: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб., 2014. С. 272.

Международная научная сессия, организованная Научным советом при поддержке Самарской областной универсальной научной библиотеки. Слева направо: О.А. Сухова (Пенза), А.В. Калягин (Самара), В.И. Гольцов (Самара), С.М. Исхаков (Москва), Э. Крёнер (Нидерланды). *Самара, 3 мая 2012 г.*

ку⁵⁴. В своих воспоминаниях он отметил, что развал советской системы вызвал столь же быстрый переворот в историографии революции в России: плюсы меняли на минусы и наоборот. «Тушинские воры» из XVII в. перебежали в XX в.⁵⁵, подразумевая «смутный» подход, который он также не поддерживает. Выступая летом 2019 г. на международном коллоквиуме в Петербурге, Розенберг рассуждал о концепции революции в России, о процессе русской революции, о том, что все революции одинаковы⁵⁶. Таким образом, для части российских историков, последовавших за новым курсом в отношении истории, революция в России — отклонение от «нормального», западноевропейского пути развития, «трагедия», очередная «смута», для других — типичная социальная революция.

Бюро МКИН в 2014 г. решило провести в Москве в 2017 г. в Институте всеобщей истории РАН (директор — Чубарьян) международную

⁵⁴ Иоффе Г. Четвертая волна. М., 2012. С. 39. Название его статьи, опубликованной в московском журнале «Наука и жизнь» (2014. № 11. С. 26–35), говорит само за себя — «Первая мировая война и русская революция 1917 года».

⁵⁵ Иоффе Г. Иные времена. Воспоминания. М., 2015. С. 250.

⁵⁶ Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). СПб., 2020. С. 630.

конференцию «Великая Российская революция 1917 года: сто лет изучения»⁵⁷. Одной из главных тем XXII конгресса МКИН, состоявшегося в августе 2015 г. в Китае, стала тема, посвященная именно роли революций в мировой истории, их сравнению.

Одним из важных направлений работы Совета и Комиссии был также анализ таких фундаментальных проблем, как национальная политика и межнациональные отношения. И здесь наблюдались удивительные метаморфозы, обусловленные современной конъюнктурой, идеологией и пропагандой. Выступая на международной конференции в Москве, организованной Институтом российской истории в 2017 г., Ненароков (ученый секретарь минцевского Совета), известный специалист в области национальных отношений, констатировал, что настоятельно требуется международное сотрудничество в исследовании проблем национальной политики советской власти, за последние годы здесь порождены новые ошибочные политические мифы⁵⁸. Как, впрочем, в отношении дореволюционного периода и его освещения с консервативных позиций неоимперской историографией, внедряемой и в академическую среду. А это означает еще одну попытку трансформировать историческую память народов о России до 1917 г., кардинально изменив ее нынешний образ в массовом сознании как авторитарной, патриархальной, экономически отсталой страны и социально несправедливого общества.

Еще в 2010 г. бывший член Комиссии Дьюкс, который, следуя за Булаковым, отошел от нее, все же вспомнил о ней и поставил вопрос, сможет ли она сыграть свою роль во время столетнего юбилея Российской революции в 2017 г.⁵⁹ Смогла. К 100-летию революции, в начале 2017 г., под эгидой Комиссии в Москве был издан коллективный труд, в котором анализируется историография революционного 1917 г. в Северной Евразии, рассматриваются конкретно-исторические события в Петрограде, Москве, Балтии, Поволжье, Польше, Украине, Центральной Азии, на Европейском Севере и Юге, Кавказе и Урале, а также впервые публикуются материалы из архива Научного совета РАН по истории соци-

⁵⁷ Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 82, 458, 459, 467.

⁵⁸ Ненароков А.П. История Великой российской революции: парадоксы современной историографии // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. Материалы Международной научной конференции (Москва, 9–11 октября 1917 г.). М., 2017. С. 34.

⁵⁹ Dukes P. Op. cit. С. 617.

Участники Международной научной сессии, организованной Научным советом при поддержке Самарской областной универсальной научной библиотеки.
Самара, 29 мая 2014 г.

альных реформ, движений и революций⁶⁰, которые показывают, о чем рассуждали известные советские историки во время перестройки, что критиковали и к чему призывали.

Далее, при поддержке Совета и Комиссии 24–25 апреля 2017 г. в Московском педагогическом государственном университете состоялась Международная научная конференция «Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания». С приветствием к участникам конференции выступил, в частности, Дж. Смит, а затем он сделал доклад, в котором обоснованно отметил, что в современной историографии русской революции 1917 г. изменился сам способ исследования этого события. Понятие «революция» было вытеснено из интерпретации самого исторического момента другими выражениями. Эта подмена приводит ко многим недостаткам в историческом понимании того, что тогда произошло.

Другой представитель Великобритании проф. К. Рид посвятил свое выступление анализу британской историографии русской революции и отметил, что британские историки больше, нежели российские историки, отстаивали и отстаивают 1917 г. как поворотный момент, как революцию, а работы молодых британских ученых в последнее десятилетие показывают, что в этой области происходит развитие. Мой доклад на этой конференции был посвящен Комиссии: в нем конста-

⁶⁰ См.: 1917 год в Евразии. Сборник статей и материалов. М., 2017.

тировалось, что именно небольшая группа исследователей внесла значительный вклад в организацию сотрудничества ученых разных стран, а также в изучение широкого круга фундаментальных и актуальных вопросов истории Российской империи с конца XIX в. и Советского Союза вплоть до его распада⁶¹. Участие российских ученых в этой Комиссии позволяло развивать диалог с коллегами из других стран, вносило свой вклад в улучшение общего климата современных международных отношений, в укрепление международных позиций российской науки.

Однако в результате постановлений Бюро Отделения историко-филологических наук (от 26 сентября 2018 г.) и Президиума РАН (от 22 января 2019 г.) Научный совет по истории социальных реформ, движений и революций был без каких-либо объяснений упразднен, о чем членов бюро Совета даже не известили своевременно.

Данные решения, о которых мы узнали с большим запозданием, сильно нас озадачили, ибо Совет не бездействовал, а много работал и по-прежнему являлся научным и координирующим центром в своей области, сотрудничая с коллегами из разных городов России и других стран. Совет также сыграл важную роль в подготовке проводимых в Институте российской истории конференций и изданных здесь же трудов, приуроченных к 100-летию участия России в Первой мировой войне, к 100-летию Российской революции 1917 г. Большой вклад во все это сделал С.В. Тютюкин. Он скончался 26 октября 2019 г., оставив о себе прекрасную память как человек, исследователь и организатор науки.

Оргкомитет МКИН, продолжая компаративистский анализ революций в разных странах, отобрал несколько докладов зарубежных исследователей для программы XXIII конгресса, который должен был состояться в Польше в августе 1920 г. (перенесен на август 2022 г. из-за пандемии), а также включил доклад о революции в России в 1917 г. в программу проходившего в ходе конгресса заседания Международной комиссии по истории Французской революции, входящей в состав МКИН.

Подводя итоги работе академического Совета по истории революций в Северной Евразии, возникшего в системе Академии наук СССР

⁶¹ См.: Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания. Сборник статей по итогам Международной научной конференции 24–25 апреля 2017 г. М., 2017.

Открытие Международной научной конференции
в Московском педагогическом государственном университете. Выступает К. Рид.
Москва, 24 апреля 2017 г.

в конце 1950-х гг., и сотрудничавших с ним двух международных комиссий на протяжении всех лет существования этого экспертно-аналитического центра, отметим, что все они, выполняя свои те или иные текущие прикладные задачи, в меру своих возможностей стимулировали появление идей, активизировали и поддерживали новаторский поиск, содействовали международным научным контактам в теоретической и методологической областях, расширяли документальную основу изучения, тем самым внесли свой вклад в отечественное и мировое революциеведение, в философское понимание проблемы революций и реформ в истории человечества.

Их работа на рубеже XX–XXI вв. проходила в условиях масштабной кампании, нацеленной на то, чтобы каким-то образом «доказать» инородность революций в России и их вину в отсталости страны и общества. При этом понятие «революция» стало подменяться самыми разными определениями, а революциеведение — смутоманией. Ее сторонники, в том числе из академических историков, стремятся убедить современников в том, что революции в России возникли от «поплывшего», абсурдистского, иррационального общественного сознания, от аффективных действий, от потери народными массами здравого смысла, что вообще революции не оказали заметного влияния на исторический процесс в XX в., что в России они являются случайными, выпадающими из общего мирового развития эпизодами, социальными «спазмами», искривлениями, отклонениями от «нормального» развития и т.п.

В то же время набирала большие обороты неоимпериология, занятая, с одной стороны, приукрашиванием и облагораживанием обанкротившегося самодержавного государства и его идеологии, а также культивированием и распространением имперского анахронизма, с другой — улучшением советского прошлого, в особенности «национальной» политики и «национально-государственного строительства».

Деятельность Международной комиссии по Российской революции была неспроста сильно нарушена в 2000–2010 гг. ее антагонистами, которые также чинили всевозможные помехи обладавшему академической свободой мысли элитарному Научному совету, занятому ключевыми проблемами истории Северной Евразии XX в. и компаративистикой. И в конце концов его украдкой ликвидировали, не считаясь с интересами научной жизни.

REFERENCES

1. *Alekseyeva G.D.* Istoricheskaya nauka v Rossii. Ideologiya. Politika (60–80-ye gody XX veka) [Historical science in Russia. Ideology. Politics (60s – 80s of the XX century)]. M.: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2003. 248 s.
2. *Alekseyeva G.D., Manykin A.V.* Istoricheskaya nauka v Rossii KHKHI veka [Historical science in Russia of the XXI century]. M.: Poligraf-zashchita, 2011. 216 s.
3. *Chubar'yan A.O.* Nauchnaya diplomatiya. Istoricheskaya nauka v moyey zhizni [Scientific diplomacy. Historical science in my life]. M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2021. 608 s.
4. *Dukes P.* Fifty years of Russian history // Obshchestvennaya mysl' Rossii: istoki, evolyutsiya, osnovnyye napravleniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 28–29 oktyabrya 2010 g. [Social thought in Russia: origins, evolution, main directions. Materials of the international scientific conference. Moscow, October 28–29, 2010] M.: ROSSPEN, 2011. S. 611–624.
5. *Dukes P.* Istoriya v sovremennom mire [History in the Modern World] // Voprosy istorii. 1989. № 9. S. 178–182.
6. *Filitov A.M.* Nauchnye svyazi istorikov v gody «holodnoy vojny»: vzglyad s «drugoy storony» [Historical links of historians during the years of the Cold War: a look from «the other side»] // Otechestvennaya istoriya. 2000. № 4. S. 130–138.
7. *Gajer D.* Problemy i perspektivy sotrudnichestva istorikov Sovetskogo Soyuza i FRG [Problems and prospects of cooperation of historians of the Soviet Union and Germany] // Istoriya SSSR. 1990. № 2. S. 208–210.
8. *Gorokhov V.G., Bekhmann G.* Izmeneniye roli nauki v obshchestve: poisk novykh idealov v nauchnoy sisteme Germanii [Changing the role of science in society: the search for new ideals in the scientific system of Germany] // Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2010. T. 80. № 3. S. 258–266.
9. *Ioffe G.* Central'nye istoricheskie zhurnaly SSSR o trudah istorikov socialisticheskikh stran (1973 god) [The central historical journals of the USSR on the works of historians of socialist countries (1973)] // Istoriya Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii. Informacionnyj byulleten' Problemnoj komissii mnogostoronnego sotrudnichestva akademij nauk socialisticheskikh stran. 1974. № 6. S. 82–86.

10. *Markwick R. P.V.* Volobuyev i istoriki «novogo napravleniya» // Akademik P.V. Volobuyev. Neopublikovannyye raboty. Vospominaniya. Stat'i [P.V. Volobuev and historians of the «new direction» // Academician P.V. Volobuev. Unpublished works. Memories. Articles]. M.: Nauka, 2000. P. 495–509.
11. *Nenarokov A.P.* Istoriya Velikoj rossijskoj revolyucii: paradoksy sovremennoj istoriografii [The history of the Great Russian Revolution: the paradoxes of modern historiography] // Velikaya rossijskaya revolyuciya, 1917: sto let izucheniya. Materialy Mezhdunarod. nauch. konf. (Moskva, 9–11 oktyabrya 1917 g.). M.: IRI RAN, 2017. S. 31–35.
12. *Rabinovich A.E.* Razmyshleniya o rabote moyey zhizni: Izucheniye bol'shevikov, russkoj revolyutsii 1917 g. i dinamiki nachala stroitel'stva sovetskogo gosudarstva v Petrograde [Reflections on the work of my life: A study of the Bolsheviks, the Russian revolution of 1917 and the dynamics of the beginning of the construction of the Soviet state in Petrograd] // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 1914. № 3. P. 233–248.
13. Rossiya XIX–XX vv. Vzglyad zarubezhnyh istorikov [Russia XIX–XX centuries. View of foreign historians]. M.: Nauka, 1996. 251 s.
14. Rossijskie istoriki na mezhdunarodnyh kongressah istoricheskikh nauk (1900–2000 gg.). Istoricheskiy obzor [Russian historians at international congresses of historical sciences (1900–2000). Historical overview]. M.: Nauka, 2005. 200 s.
15. *Trapeznikov S.P.* Na krutykh povorotakh istorii. (Iz urokov bor'by za nauchnyy sotsializm, protiv revizionistskikh techeniy) [At the sharp turns of history (From the lessons of the struggle for scientific socialism, against revisionist trends)]. Vtoroye dopolnennoye izdaniye. M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1972. 365 s.
16. Velikaya rossijskaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i problemy prepodavaniya. Sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 24–25 aprelya 2017 g. [The Great Russian Revolution of 1917: Problems of History and Problems of Teaching. Collection of articles on the results of the International Scientific Conference on April 24–25, 2017. Moscow]. M.: MPGU, 2017. 398 s.

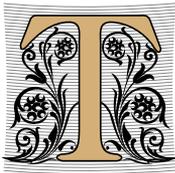

Ключевые слова:

Великая Октябрьская социалистическая революция, Международный комитет исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, Институт российской истории РАН, П.В. Волобуев, П. Дьюкс, И.И. Минц, Г.Н. Севостьянов, Дж. Смит, С.В. Тютюкин, С.С. Хромов, революция, смута.

Salavat M. Iskhakov

THE HISTORY OF THE REVOLUTIONARY NORTHERN EUROASIA: ANTHROPOLOGY OF SCIENCE LIFE AND GLOBAL COOPERATION (1957–2019)

The article is dedicated to the Council of the History of Social Movements, Reforms and Revolutions in Northern Euroasia. It was established in the middle of the 20th century at the Russian Academy of Science and existed till 2019.

Shown is the importance of international connections of Russian and Soviet scientists, who took part in the Council. Those connections brought new ideas, stimulated new approaches, new sources were available for further research on the History of Northern Euroasia in the 20th century. Special attention is paid to lesser-known episodes of academic everyday life and anthropology.

Key words: Great October Socialist Revolution, International Committee of Historical Sciences, Institute of History of the USSR of the Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, P.V. Volobuev, P. Dukes, I.I. Mints, G.N. Sevostyanov, J. Smith, S.V. Tyutyukin, S.S. Khromov, revolution, turmoil.

Salavat M. Iskhakov – D.Sc. (History), Moscow.

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, г. Москва